

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА*

ДЭВИД РЕЭР

Перевод с английского статьи: David S. Reher. Economic and social implications of the demographic transition // Ronald D. Lee and David S. Reher, eds. Demographic Transition and Its Consequences. A supplement to Vol. 37 (2011) of Population and Development Review: 11-33.

В статье показано, как демографический переход повсеместно выступил в качестве важного источника социальных и экономических изменений. Статья состоит из двух частей. В первой части рассматриваются различные процессы, в которых произошли изменения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Возрастная структура, миграция, эффективность воспроизводства, семейные стратегии и здоровье взрослого населения – все это те направления, в которых ощущаются трансформационные эффекты демографических изменений. Во второй части статьи обсуждается, как темпы изменения демографических показателей определяют эти положительные эффекты в разных регионах мира.

Ключевые слова: демографический переход, исторический (ранний) демографический переход, поздний демографический переход, социально-экономические изменения, демографический дивиденд.

В первоначальной формулировке теория демографического перехода представляла собой подробное описание механизмов изменения смертности и рождаемости, сопровождавшееся обсуждением того, как эти изменения повлияют на демографическое развитие мира в будущем [Notestein 1945; Davis 1945; Chesnais 1986]. С самого начала исследователи рассматривали этот переход как побочный продукт более широкого процесса социальных и экономических изменений. Пионерная работа Энсли Коула, посвященная движущим силам изменений рождаемости и их причинам, стала ключевой для этого направления исследований [Coale 1973]. Изначальной целью Принстонского проекта по изучению европейской рождаемости (Princeton European Fertility Project) было рассмотрение изменения рождаемости как прямого следствия социальных и экономических изменений [Coale 1986]. Несмотря на то, что результаты исследования не давали однозначного ответа на поставленные вопросы и зачастую приводили к противоречивым объяснениям, попытки представить изменения рождаемости как результат социальных изменений до сих пор остаются предметом тьмы публикаций по исторической демографии.

Дэвид С. Реэр. Мадридский университет Комплутенсе. Испания. E-mail: dreher@geps.es.

* DAVID S. REHER. ECONOMIC AND SOCIAL IMPLICATIONS OF THE DEMOGRAPHIC TRANSITION // RONALD D. LEE AND DAVID S. REHER, EDS. DEMOGRAPHIC TRANSITION AND ITS CONSEQUENCES. A SUPPLEMENT TO VOL. 37 (2011) OF POPULATION AND DEVELOPMENT REVIEW: 11-33.

ПЕРЕВОД ИРИНЫ ДРАННИКОВОЙ И ИЛЬИ КАШНИЦКОГО. ПУБЛИКУЕТСЯ С РАЗРЕШЕНИЯ POPULATION COUNCIL.

Окончательный вариант этой статьи значительно выиграл от полезных предложений Рональда Ли, Тима Дэйсона и Гектора Перес Бриноли.

Причина этого неослабевающего интереса лежит на поверхности: демографический переход происходил в Европе и на Западе в целом как раз в то время, когда они переживали небывалые социальные и экономические трансформации. Повышался уровень жизни и образования, общество становилось все более городским, промышленность и сектор услуг стали вытеснять сельское хозяйство и по объему продукции, и по социальной значимости, досуг становился ожидаемым вознаграждением за работу, стало формироваться потребительское общество и женщины были готовы к массовому выходу на рынок труда. Возможно, это были наиболее значимые социальные и экономические изменения в Европе за многие столетия. Неудивительно поэтому, что исследователи демографического перехода были склонны рассматривать его как часть более широкой экономической и социальной модернизации, в ходе которой демографический переход в основном вытекает из социальных и экономических перемен. И гораздо меньше внимания уделялось демографическому переходу как причине, а не следствию этих перемен. В результате историки и социальные исследователи привыкли считать демографические реалии зависящими от экономических сил, а не наоборот.

Я же утверждаю, что во многих отношениях демографический переход может и должен рассматриваться в качестве ключевого фактора перемен. Мы рассмотрим демографический переход как в основном автономный процесс, завершившийся глубокими социальными, экономическими и даже психологическими или мировоззренческими последствиями для общества [Demeny 1972: 154]. Я буду рассматривать демографию как независимую переменную. Конечно, понятно, что история никогда не бывает односторонней, и, без сомнения, грандиозные изменения, произошедшие в этот период, определялись многими причинами. Я покажу, что демографический переход был одной из них и далеко не маловажной. В этой статье я хотел бы внести определенный вклад в более взвешенную интерпретацию социальной и экономической модернизации, произошедшей в Европе и не только в период с 1850 по 1975 г. Многие приводимые мною доводы будут относиться к странам-пионерам исторического демографического перехода. В статье также оценивается, на каком этапе демографического перехода находятся сейчас развивающиеся общества и насколько тот путь, по которому эти общества движутся во время своего собственного демографического перехода, обуславливает его влияние на развитие и социальные перемены.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД: КОГДА, ГДЕ И КАК

Собственно демографические компоненты демографического перехода вполне ясны. Истоки же исторического перехода, затронувшего большую часть Европы, равно как и страны с глубокими европейскими корнями (Аргентина, Уругвай, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), дискуссионны. В большинстве этих стран смертность снижалась с середины - конца XVIII века, имеются признаки того, что рождаемость также снижалась, хотя, как правило, и очень незначительно. Результатом стал период ускорившегося роста населения. Во второй половине XIX века показатели естественного движения населения во многих странах изменили траекторию движения и несколько выросли. Эти изменения, говоря о которых часто упоминают «эффект лыжного

трамплина», стали непосредственным предшественником небывалого снижения смертности и рождаемости, стартовавших в конце XIX – начале XX веков. И именно этот последний процесс, как правило, считают демографическим переходом, несмотря на то, что начался он гораздо раньше¹.

Практически повсеместно снижение смертности предшествовало снижению рождаемости. В первую очередь снижалась детская смертность, а немногим позже – младенческая [Reher 1999]. Более медленно снижалась также и смертность взрослых. Ответом рождаемости на эти изменения стало ее сознательное регулирование супружескими парами. Было показано, что брачная рождаемость начала снижаться вскоре после снижения детской смертности; при этом вначале женщины стали эффективно контролировать рождаемость в более поздних репродуктивных возрастах. Снижение среднего возраста матери при рождении последнего ребенка считается отличительной чертой контроля рождаемости в браке, хотя и другие механизмы, например, удлинение интервалов между рожденьями, также могли использоваться [Anderton, Bean 1985; Van Bavel 2004; Van Bavel, Kok 2004; Reher, Sanz-Gimeno 2007]. На протяжении нескольких десятилетий темпы снижения смертности превышали темпы снижения рождаемости. В результате наблюдалось увеличение размеров семей и ускорение роста численности населения. Особенность этого процесса заключалась в том, что изменения смертности и рождаемости были довольно медленными, а результирующие темпы прироста населения редко поднимался намного выше 1% в год. С позиций сегодняшнего дня кажется, что эти изменения происходили как при замедленной съемке.

Вторая волна снижения рождаемости началась в промежутке между 1950-ми и 1980-ми годами. Она возникла в странах – региональных лидерах или в странах, тесно связанных с Европой. В конечном счете, однако, она затронула большую часть мирового населения. Основные черты второй волны изменений имеют много схожего с историческим переходом за исключением трех моментов: 1) допереходные показатели рождаемости и смертности были выше; 2) скорость их снижения была значительно выше, чем во время исторического перехода; 3) темпы роста численности населения существенно превосходили темпы, достигнутые во время первого перехода [Reher 2004].

Изменения рождаемости проходили не в социально-экономическом вакууме. Улучшение здоровья детей было тесно связано с накоплением знаний о важности ухода за ребенком и об особенностях вскармливания. Возможность реализовывать эти идеи матерям дали работы таких ученых и врачей, как Луи Пастер и другие, а также рост уровня жизни и улучшение питания населения в целом [Schofield, Reher 1991; McKeown 1976; Biraben 1991]. Медики также сыграли роль в продвижении инициатив в области здравоохранения, таких как создание пунктов *Капля молока*² или вклад акушерок в сохранение детского здоровья, но, со строго терапевтической точки зрения, медики достигли немногого [Kunitz 1991]. В итоге существенное улучшение здоровья произошло при довольно низком уровне развития технологий [Riley 2005a, 2005b, 2005c]. Контроль рождаемости преимущественно

¹ См. анализ двух стадий этого перехода во Франции [Wrigley 1985a, 1985b].

² Известные также как *молочные станции*, пункты *Капля молока* впервые появились в Париже в 1892 г. и были предназначены для консультирования матерей и их обеспечения качественным молоком для маленьких детей.

заключался в воздержании или прерывании полового акта, традиционных, но технологически бесхитростных методах предотвращения беременности. Существует множество публикаций о причинах снижения рождаемости в течение описываемого периода, но консенсуса в объяснении пока найти не удалось [Szoltysek 2007]. Во время демографического перехода в развивающихся странах все было по-другому: антибиотики и искусственные методы контрацепции совместно обеспечили существенный вклад технологической компоненты. Во время обоих переходов очень важную роль сыграло образование, направленное в основном на матерей, - сначала это касалось заботы о новорожденных, затем - принятия репродуктивных решений.

РЕПРОДУКТИВНЫЙ ПЕРЕХОД И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА

Демографические изменения, о которых говорилось выше, запустили процессы, напрямую или косвенно приведшие к социальным и экономическим изменениям (представленным на диаграмме в Приложении). Эти процессы затронули возрастную структуру населения; миграцию; семейные инвестиции в образование, здоровье и потребление; здоровье взрослого населения. Некоторые из них протекали на социетальном уровне, другие – на индивидуальном. В то время как последствия одних процессов проявлялись незамедлительно, последствия других становились ощутимыми лишь в среднесрочной или долгосрочной перспективе. Эти разные последствия рассматриваются ниже с двух позиций: каким образом они вытекали из демографического перехода и каким образом они послужили причиной социальных и экономических перемен.

Возрастные структуры

Любое длительное снижение рождаемости приводит к существенным изменениям в возрастной структуре населения. Сначала эти изменения затрагивают основание возрастной пирамиды, так как относительная численность молодых когорт начинает сокращаться. На протяжении некоторого времени изначальное снижение численности детей не компенсируется ростом относительной доли пожилого населения; таким образом, временно относительная доля трудоспособного населения существенно увеличивается. Этот процесс продолжается до тех пор, пока численность поколений родившихся продолжает расти. Такова была ситуация в большинстве стран-лидеров демографического перехода до тех пор, пока в промежутке между концом 1950-х и началом 1980-х годов численность поколений впервые не стала сокращаться. В большинстве европейских стран период, в течение которого население было более молодым, длился в течение многих десятилетий, возможно, даже целое столетие. В будущем такая ситуация не повторится, так как во многих странах сокращение численности когорт новорожденных приведет к сокращению населения в трудоспособных и репродуктивных возрастах. Тем не менее, пока длился этот период и экономика была способна создавать достаточное количество новых рабочих мест в ответ на спрос растущего трудоспособного населения, образовавшееся «окно возможностей» имело глубокие экономические последствия.

Это неожиданное стечение обстоятельств, часто именуемое «демографическим дивидендом», оказалось условием резкого экономического подъема также во многих странах, в которых экономическое развитие происходило наиболее активно в недавнем прошлом. К ним относятся азиатские «тигры», а позднее и такие страны, как Иран и Бразилия [Bloom, Canning, Sevilla 2003; Bloom, Canning 2001; Kelley, Schmidt 2001, 2007; Mason, Lee 2006]. Этот дивиденд, несомненно, повлиял на экономический рост в тех странах, где демографический переход произошел исторически раньше. Большинство авторов убеждены, что величина демографического дивиденда зависит от способности экономики эффективно принимать и трудоустраивать численно растущую рабочую силу. Когда это происходит, экономический эффект может быть глубоким и продолжительным. Поскольку «окно возможностей» не может сохраняться бесконечно, неудивительно, что развивающиеся страны прикладывают все силы, чтобы извлечь максимальную выгоду из удачно сложившейся демографической ситуации. Кроме того, было показано, что экономически благоприятная половозрастная структура в развитых странах в течение последнего полувека стимулировала рост производительности труда [Lindh, Malmberg 1999].

Другое положительное влияние изменений возрастной структуры, запущенных демографическим переходом, заключалось в том, что оно привело к появлению национальных пенсионных систем, в рамках которых постоянно увеличивающееся в численности трудоспособное население платило пенсионные отчисления в пользу все еще относительно немногочисленных пожилых. Эти пенсионные системы, появление которых немислимо без предшествующих изменений смертности, рождаемости и возрастных структур, существенно изменили основополагающие нормы функционирования общества. Пенсии были и остаются неотъемлемой компонентой социального благополучия, а также фундаментом относительной социальной гармонии, существовавшей в развитых странах на протяжении большей части последнего столетия.

Но в конечном счете те же самые возрастные структуры ведут к ускоренному старению населения, что становится основным вызовом всем социальным системам, основанным на межпоколенных трансферах доходов. Это происходит уже сейчас в странах, в которых раньше всех произошел демографический переход и где возрастные структуры больше не благоприятствуют развитию щедрых систем межпоколенного перераспределения и дальнейшему росту богатства [Samuelson 1975]. Мэйсон и Ли [Mason, Lee 2006] предположили, что этот негативный эффект может быть устранен или хотя бы смягчен благодаря тому, что сбережения в течение жизненного цикла в условиях низкой рождаемости и смертности будут вести к более высокому соотношению капитал-труд (называемому «вторым демографическим дивидендом»), что позволит хотя бы частично снизить бремя демографической нагрузки пожилыми. В недавней работе эти же авторы подкрепили свои доводы, смоделировав возможность того, что накопление человеческого капитала при медленном или даже негативном росте численности трудоспособного населения может приводить к росту уровня жизни, несмотря на, казалось бы, неблагоприятную возрастную структуру [Lee, Mason 2010; Lee et al. 2008]. В любом случае, эти авторы предупреждают, что положительный эффект может возникнуть при условии,

что пожилые люди не будут получать слишком щедрую поддержку через программы государственного или внутрисемейного перераспределения.

Миграция

Быстрый рост населения, характерный для демографического перехода, оказался мощным стимулом для миграций. Повсеместно период изменения показателей естественного движения населения становился периодом миграций. Большую часть составляли трансконтинентальные миграции, но немаловажное значение имели межрегиональные перемещения и миграции из сельской местности в города. Давление, создаваемое быстрым ростом населения, было, несомненно, движущим фактором этого процесса. Если бы этого давления не было, не было бы, возможно, и массовых миграций; во всяком случае, они не приобрели бы таких масштабов, каких они достигли в 1850-1930-х годах, а затем вновь во второй половине двадцатого века. Социальные и экономические последствия миграции огромны как для отдающих, так и для принимающих стран.

Миграция – более или менее эффективный метод перераспределения рабочей силы. В первые десятилетия XX века это перераспределение происходило преимущественно между странами, которые уже испытывали влияние демографического перехода, с той лишь разницей, что страны исхода мигрантов были густо заселены, а принимающие имели достаточно свободного пространства и возможностей и потому нуждались в дополнительном населении. В последнее время вектор миграционных потоков направлен из слаборазвитых стран с перенасыщенным рынком рабочей силы в богатые страны, способные извлечь выгоду из притока рабочей силы на их истощенные рынки труда. В оба периода ключевую роль в формировании потенциально доступного предложения мигрантов играло давление населения в отдающих странах, но на потоки последнего периода большое влияние оказывала также демографически обусловленная нехватка рабочей силы в принимающих развитых странах.

С экономической точки зрения, значительные миграционные потоки в Америку, Южную Африку и Австралию с середины XIX до тридцатых годов XX века способствовали экономическому росту и развитию принимающих обществ в основном за счет получения ими рабочей силы и знаний, столь необходимых растущим экономикам. Странам-донорам миграция также приносила определенную пользу: 1) эмиграция снижала давление населения на ресурсы и предоставляла возможности трудоустройства оставшейся части населения; 2) денежные переводы мигрантов на родину подпитывали экономику, по крайней мере, на локальном и региональном уровнях; 3) бывшие эмигранты возвращались домой (что они часто делали) с более высоким уровнем человеческого капитала, а также с определенными накоплениями. Эти миграционные потоки с очевидностью влияли на сближение экономик и распределение доходов как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах [Natton, Williamson 1998, 2006]. Миграция капитала из старых стран в новые существенно усилила экономический эффект трудовой миграции.

И сегодня международная миграция играет схожую роль, хотя есть и определенные отличия. Одно из таких отличий связано с большим, чем в прошлом, перекосом в возрастной структуре мигрантов. В наше время в миграционные потоки вовлечены молодые работники из все еще быстро растущих стран в те страны, чье население стареет.

Для стран-доноров денежные поступления из-за рубежа, несмотря на сложности управления ими, остаются значимым источником дохода и инвестиций. Страны-реципиенты все чаще ужесточают миграционную политику, что может привести к снижению уровня возвратной миграции в будущем.

Влияние миграций на экономические изменения кажется не вызывающим сомнений, но они оказывают на общество комплексное воздействие - часто конфликтное, продолжительное и, возможно, более широкое, чем связанное только с экономикой. Повсеместно миграции способствовали росту социальной мобильности первого поколения мигрантов и еще больше – их детей. Великие заокеанские миграции между 1850 и 1930 гг. оставили в принимающих странах неизгладимый след. Такие страны как США, Канада, Австралия, Аргентина, Уругвай, ЮАР и Бразилия не только имеют значительную часть населения, являющегося потомками иммигрантов XIX и XX веков, но и продолжают ощущать себя как общества иммигрантов. Страны-доноры также подверглись сильному влиянию, хотя и не настолько глубокому: межнациональные семьи стали постоянным источником взаимодействия и культурного обмена. Невозможно предугадать, будет ли миграция оказывать столь же существенное влияние на принимающие сообщества, как это было в прошлом. Тем не менее, учитывая масштабы современных иммиграционных потоков, культурные и конфессиональные отличия иммигрантов от населения принимающих стран, а также устойчивое желание прибывающих остаться в стране, мы можем предположить, что и в этом случае последствия будут долговременными. В недавней статье Дэвид Коулмэн [Coleman 2006] назвал процессы изменения состава населения, происходящие сегодня в Европе, третьим демографическим переходом.

Экономические и социальные последствия внутренней межрегиональной миграции и переселений из сельской местности в города, возможно, были не менее значимыми, чем последствия международных миграций. Результатом внутренних миграций стала урбанизация обществ, сосредоточение рабочей силы там, где она была наиболее востребована экономически. Риски, равно как и, вероятно, выгоды, от внутренней миграции были меньшими, чем при международных перемещениях. Тем не менее чистый эффект был схожим как на отдающих, так и на принимающих территориях.

Эффективность воспроизводства населения

Демографический переход, по определению, привел к заметному увеличению эффективности воспроизводства населения. Репродуктивные цели людей определялись теперь меньшим числом рождений и детских смертей. Поначалу потенциальные эффекты этого изменения были замаскированы ускорившимся ростом численности населения, поскольку смертность снижалась гораздо быстрее рождаемости. Внутрисемейное приспособление к снижающейся смертности наблюдалось с самого начала, но, из-за лага в осознании влияния небывалых улучшений здоровья детей, его эффект проявлялся не сразу. В начале демографического перехода, когда смертность снижалась быстрее рождаемости и средний размер семей увеличивался, нагрузка детьми на трудоспособное население существенно выросла. Подобно старению населения в конце демографического перехода, это породило своего рода отрицательный дивиденд, который в значительной степени оставался незамеченным. Но, в конце концов, на более продвинутой стадии

демографического перехода, на фоне существенных улучшений охраны детского здоровья изначальная задача поддержания размера семьи превратилась в задачу сокращения ее размера [Reher, Sanz-Gimeno 2007]. Когда детская смертность стала очень низкой и, главным образом, предсказуемой, репродуктивные решения уже могли приниматься с высокой долей определенности. Все эти изменения и их последствия стали заметны лишь по прошествии времени, хотя в историческом масштабе преобразования произошли достаточно быстро. Эти изменения по-разному повлияли на семейную жизнь и, в конечном итоге, на фундаментальные аспекты социальной организации.

До демографического перехода, когда детская смертность была высокой, семейные инвестиции в детей часто оказывались напрасными. В начале жизни эти родительские инвестиции, по преимуществу, материнские, могут быть наилучшим образом измерены затраченным родителями временем. Со снижением смертности снизилось и значение этих разорительных инвестиций [Reher 1995]. Этот эффект был усилен тем фактом, что сократилось и общее число рождений. Если раньше матери лихорадочно и, возможно, неадекватно отдавали свое внимание сразу нескольким детям, то теперь они получили возможность сконцентрироваться на меньшем числе детей с большей отдачей и эффективностью потраченных усилий. Поскольку число самых маленьких детей в семьях уменьшилось, женщины все больше освобождались от постоянного ухода за младенцами. Когда конечный размер семей стал снижаться, уменьшение числа детей в домохозяйстве привело к повышению уровня жизни и более эффективному использованию времени женщин. Рональд Ли подсчитал, что в результате демографического перехода женщины стали, в среднем, тратить на вынашивание и выращивание маленьких детей не 70% времени своей взрослой жизни, а лишь 14% [Lee 2003: 167].

Меньшее число рождений также привело к увеличению родительских инвестиций в выживших детей. Показано, что затраты на человеческий капитал в расчете на ребенка существенно выше при низкой рождаемости [Lee, Mason 2010]. Сначала эти инвестиции определялись затратами времени и заботой о детях. Родители понимали, что шансы их детей выжить напрямую зависят от качества заботы о них – от питания детей и от уделяемого им внимания. Это были инвестиции в то, что теперь называют «высококачественными» детьми; это хорошо понятно всем родителям сейчас, но было совершенно ново во времена, когда родители привыкли к тому, что большое число детей умирает во младенчестве. Одним из следствий этих новых инвестиций было повышение внимания родителей к качеству образования детей. Значительную часть образования дети получали дома, но нельзя недооценивать и институт школы. В самом деле, стремительный рост школьного образования во второй половине XIX - первой половине XX века мог произойти по инициативе семей, чья возрастающая заинтересованность была важным фактором общего движения в сторону государственного и частного образования. Желание родителей обеспечить детей всем необходимым вкупе с общим ростом уровня образования и, как результат, уход детей с рынка труда – все это привело к значительному росту затрат на детей. Показано, что более низкий уровень рождаемости - значительный фактор социальной мобильности детей, особенно в тот момент, когда рождаемость начинает падать [Van Bavel 2006]. Однако на более продвинутых этапах демографического перехода направление причинно-следственной связи меняется на противоположное, поскольку

озабоченность родителей социальной мобильностью детей, часто называемой «беспокойством об их статусе» («status anxiety»), сама становится важной причиной устойчиво низкой рождаемости в наиболее развитых странах [Dalla Zuanna 2007].

Все перечисленные факторы в решающей мере предопределили выход женщин на рынок труда. Они получили доступное время для работы вне дома; стоимость воспитания детей вместе с возросшими потребительскими ожиданиями семей создали экономическую необходимость в дополнительном доходе, а рост уровня образования женщин позволил им претендовать на многие позиции на рынке труда [Reher 2007]. Другие факторы также имели значение. Среди них - последствия Второй Мировой войны, определившие высокую занятость женщин; доступ к экономическим возможностям в секторе услуг, ранее почти полностью захваченным мужчинами; возросшая роль общественных институтов (особенно школы) в уходе за детьми и их воспитании, а также увеличение значимости общества потребления. Демографический переход создал ситуацию, когда трудоустройство после выхода замуж стало доступно многим женщинам (по сути, большинству).

Движение в сторону всеобщего образования детей было отличительным признаком наиболее развитых обществ на протяжении столетия, а в последнее время эту цель преследуют также правительства и семьи в странах развивающегося мира. Повсеместное изменение роли женщины в обществе - возможно, наиболее важное социальное изменение последнего полувека. Все указывает на то, что в развивающихся странах мира сейчас идут те же процессы, поскольку их общества вслед за развитыми индустриальными странами все охотнее признают «идеализм развития» (developmental idealism³) [Thornton 2001, 2005]. И всеобщее образование детей, и изменение роли женщины в обществе корнями уходят в демографический переход. Они также являются компонентами того, что получило название второго демографического перехода, предполагающего, что крайне низкая рождаемость сохранится [Van de Kaa 1987; Lesthaeghe 2010]. В долгосрочной перспективе наблюдаемые сегодня мировоззренческие изменения, охватывающие многие стороны современной жизни развитых и части развивающихся стран, коренятся в небывалом падении рождаемости и росте продолжительности жизни, начавшихся с демографическим переходом.

Наконец, причины обесценивания брака как пожизненных отношений также можно косвенно увязать с демографическими изменениями, имевшими место во время перехода, и гораздо более непосредственно - с некоторыми их последствиями. Снизившаяся рождаемость ограничила значимость брака как необходимого условия репродуктивной деятельности, а увеличение продолжительности жизни поменяло временную шкалу многих жизненных стратегий, включая те, которые связаны с выбором партнера и вступлением в брак [Keyfitz 1987]. Повышение грамотности женщин также неблагоприятно отразилось на институте брака. Теперь женщины получили не только возможность самим зарабатывать вне домохозяйств, но и право прекращать несложившиеся отношения с мужчинами. С этой точки зрения, кризис брака оказался и причиной, и следствием глубоких изменений роли

³ Представление о том, что идеи и теории развития сами по себе служат мощными двигателями социальных и экономических изменений (прим. переводчика).

женщины в обществе, равно как и отличительной особенностью происходящих в обществе мировоззренческих изменений.

Здоровье взрослых и качество человеческого капитала

Обращая внимание на стремительное улучшение здоровья детей во время демографического перехода, часто забывают, что здоровье взрослого населения также улучшалось, хотя и более скромными темпами. Во Франции, к примеру, вероятность умереть в течение года для людей в возрасте 30 лет и старше в период между концом XVIII века и 1913 г. снизилась на 25% [Vallin 1991]. Причин этого снижения было много. По мнению Томаса МакКеона [McKeown 1976], это произошло благодаря, главным образом, улучшению питания и отчасти инновациям в здравоохранении. В этот же период наблюдалось постоянное ослабление воздействия эпидемических болезней [Livi Bacci 2000: 50–54].

Немногим позже эти улучшения здоровья взрослого населения получили дополнительную поддержку вследствие родительских инвестиций в «высококачественных» детей. Дети, которые получают лучшее питание и живут в сравнительно благоприятной эпидемиологической среде, имеют больше шансов вырасти здоровыми [Lynn 1991]. Все больше людей, живущих в таких условиях, вырастают более высокими и здоровыми, чем когда бы то ни было раньше. Доподлинно известно, что средний рост солдат, измеряемый регулярно во время призывных кампаний, увеличился существенно за время демографического перехода, особенно с начала XX века. Рост, удобный маркер здоровья и физического состояния человеческого капитала, определялся качеством питания и перенесенными в детстве заболеваниями. Рост также может служить хорошим предиктором здоровья человека на протяжении его жизни [Fogel 2004; Fogel, Costa 1997].

Если говорить о других аспектах человеческого капитала взрослого населения, то также важно было повышение уровня образования, отчасти в ответ на запросы родителей. В итоге рабочая сила стало здоровее, образованнее, улучшилось ее питание. Повышение качества человеческого капитала сделало возможной более долгую и продуктивную трудовую жизнь и позволило сохранять хорошее здоровье в преклонном возрасте. Все эти факторы повлияли на характеристики экономического роста.

Помимо исключительно экономических последствий увеличения продолжительности жизни, возросшие шансы дожить до преклонного возраста глубоко воздействуют на образ мыслей людей, на выбор их жизненных стратегий и в целом на стиль жизни. Этот результат, лишь частично описанный здесь, возможно, самый всеобъемлющий из всех результатов демографического перехода, одна из отличительных особенностей современной жизни. Хотя растущая эффективность воспроизводства населения также способствует этому результату, первенствующая роль долгожительства не подлежит сомнению.

Другие факторы

Оставаясь в этих условно очерченных границах, полезно держать в уме несколько уточнений. Во-первых, весь процесс изменений не основывается исключительно на демографических факторах. Эти факторы - часть многогранного процесса модернизации, включающего в себя действие экономических сил, деятельность правительств, технологические достижения и ожидания. Тем не менее значение демографических факторов очень велико, и многие составляющие описанной структуры были запущены именно демографическими процессами. Во-вторых, несмотря на то, что используемый подход устанавливает причинно-следственные связи между различными демографическими компонентами (возрастные структуры, миграции и т.д.), возникает значительное число перекрестных связей. Они наиболее очевидны, когда речь идет о формировании человеческого капитала, испытывающего влияние всех перечисленных процессов. В-третьих, в некоторых случаях снижение рождаемости и снижение смертности запускают какие-то изменения сообществ, в то время как в других они действуют почти независимо.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В ПЕРСПЕКТИВЕ: ПОРОЧНЫЙ ИЛИ БЛАГОДАТНЫЙ КРУГ?

Европейский опыт демонстрирует преимущественно благотворное влияние демографического перехода, который более или менее непосредственно ведет к экономической и социальной модернизации. Представленный выше подход оказывается достаточно уместным для Европы и некоторых стран на других континентах. Однако во многих других частях света, где демографический переход произошел совсем недавно, демографические перемены часто связаны с экономическими трудностями, массовыми перемещениями людей, социальной и политической нестабильностью. Оправдан ли предложенный подход исключительно для Европы и некоторых других стран-первопроходцев демографического перехода? Или он также полезен в качестве дорожной карты для развивающегося мира?

Демографический переход открывает окно возможностей для экономических и социальных изменений. Это период, в течение которого демографические изменения могут работать на благо экономических и социальных трансформаций, а не наоборот, как это часто было в более ранние периоды. То, насколько выгодными будут их последствия и как долго они сохранятся, зависит от размера этого окна. Возможные выгоды ограничены тремя факторами: 1) скоростью демографических изменений; 2) темпами роста населения, на протяжении ключевого периода, следующего вслед за начальным снижением смертности; 3) доступными механизмами демографического регулирования. Всем этим пунктам наилучшим образом соответствуют страны, раньше вступившие на путь демографического перехода и получившие наибольшую выгоду от последствий демографических изменений.

Таблица 1. Темпы снижения коэффициентов рождаемости и смертности в некоторых странах (снижение за указанное число лет по отношению к исходному пиковому значению)

Страна (начало снижения общего коэффициента рождаемости, общего коэффициента смертности)	Общий коэффициент рождаемости				Общий коэффициент смертности			
	Число лет, прошедших с момента достижения пикового значения							
	20	25	30	35	20	25	30	35
Китай (1968, ±1950)	0,64	0,51	0,43	0,38	0,25	0,27	0,29	0,30
Коста-Рика (1962, 1927)	0,68	0,65	0,56	0,48	0,58	0,57	0,50	0,43
Эфиопия (1988, ±1950)	0,80				0,69	0,66	0,70	0,64
Индия (1978, ±1950)	0,77	0,70	0,64		0,60	0,51	0,47	0,44
Иран (1982, ±1950)	0,44	0,42			0,58	0,51	0,47	0,36
Марокко (1973, ±1950)	0,67	0,57	0,49	0,43	0,61	0,51	0,42	0,34
Сенегал (1977, ±1950)	0,84	0,80	0,79		0,86	0,76	0,66	0,58
Шри-Ланка (1960, 1938)	0,73	0,66	0,57	0,52	0,62	0,49	0,40	0,32
Тунис (1965, ±1950)	0,73	0,65	0,52	0,40	0,54	0,45	0,35	0,31
Турция (1958, ±1950)	0,70	0,67	0,56	0,52	0,49	0,43	0,40	0,37
Венесуэла (1962, 1919)	0,71	0,67	0,60	0,54	0,71	0,67	0,55	0,41
Испания (1902, 1892)	0,86	0,82	0,79	0,63	0,73	0,79	0,68	0,60
Швеция (1877, 1877)	0,88	0,86	0,84	0,77	0,84	0,83	0,78	0,74

Примечание: Время начала снижения рождаемости или смертности определяется как пятилетний период, в котором достигнуты пиковые значения, предшествующие падению показателей минимум на 5% в следующие пять лет, без последующего возврата к прежним уровням. Даты начала снижения рождаемости и смертности в каждой стране приводятся в круглых скобках. Во многих странах снижение смертности, вероятно, началось еще до 1950-1954 гг., самого раннего периода, за который доступны данные.

Источники: Для периода после 1950 г. - [United Nations 2008]; для периода до 1950 г. - [Mitchell 1998a, 1998b, 1998c].

Скорость изменений была гораздо выше во время более поздних переходов. Это относится к снижению как рождаемости, так и смертности. Порой скорость изменений в этих странах оказывалась вдвое больше, чем в странах, где демографический переход произошел ранее. В таблице 1 приведена скорость изменений общих коэффициентов рождаемости и смертности за разные промежутки времени (от 20 до 35 лет) после того, как были достигнуты их пиковые значения. В каждом случае скорость изменения в развивающихся странах гораздо выше, чем в двух развитых странах, используемых в этом примере (Испания и Швеция). Более высокие темпы снижения в странах с более поздним демографическим переходом связаны в основном с внедрением чужеродных для этих обществ элементов. В исторической Европе демографический переход был запущен в значительной степени эндогенными процессами: образованием матерей, инициативами в области здравоохранения, повышением уровня жизни и более общими социальными изменениями. Он был осуществлен при довольно низком уровне развития технологий. Матери научились кормить своих детей более безопасно и качественно, чем раньше. Контроль рождений главным образом достигался путем прерывания полового акта или воздержанием. При более поздних переходах эти факторы также сыграли определенную роль. Но действовали также и другие силы, большинство из которых, по крайней мере на начальном этапе, были несвойственны этим обществам и предполагали использование довольно высоких технологий. Инструментами изменений в процессе перехода в этих странах были эффективные методы контрацепции, антибиотики, международные программы вакцинации, а также гигиенические меры по улучшению качества воды и

созданию канализации – все это настойчиво продвигалось местными органами власти и международными организациями [Reher 2004]. С самого начала их широкого применения эти инструменты оказались гораздо более эффективными, чем методы (влияющие как на рождаемость, так и на здоровье детей), применявшиеся ранее. К числу исключений относятся две представленные в таблице африканские страны (Эфиопия и Сенегал), где темпы снижения рождаемости и смертности были намного медленнее, чем в других странах более позднего перехода.

Темпы роста населения в течение недавних демографических переходов также были намного более высокими. По своей природе демографический переход всегда ведет к ускорению темпов роста населения, потому что смертность начинает снижаться раньше и первоначально быстрее, чем рождаемость. Если темпы роста выходят из-под контроля, то многие благотворные механизмы, связывающие демографический переход с социальными изменениями, могут выйти из строя в результате «короткого замыкания» или, по крайней мере, их действие будет отложено и ослаблено. Положительный эффект изменений возрастной структуры не будет получен, если темпы роста населения превзойдут имеющиеся возможности для миграции и способность местных экономик создавать рабочие места. Стремительный рост размера семей также может свести на нет многие из положительных последствий повышения эффективности репродукции. Здесь разница между историческими и недавними переходами остается огромной. Во время более ранних переходов темпы роста населения редко превышали 1% в год и часто были ниже. При более поздних переходах темпы роста были чрезвычайно высокими, часто превышали 2,5%, а иногда даже достигали 3% в год. При этом размер семьи почти удвоился всего за несколько лет (таблица 2). В течение двух или трех десятилетий население в трудоспособном возрасте (15-64 года) во многих из этих стран увеличивалось на 15% и более за каждые пять лет.

Таблица 2. Годовой естественный прирост населения в некоторых странах в зависимости от количества лет до или после начала снижения рождаемости, на 1000

Страна, начало снижения рождаемости	Годы				
	-10	-5	0	5	10
Китай, 1968	15,4	20,9	26,0	22,3	14,8
Коста-Рика, 1962	31,1	33,3	34,1	28,0	23,8
Эфиопия, 1988	26,4	28,9	30,1	28,7	27,1
Индия, 1978	21,5	22,1	23,1	22,4	21,4
Иран, 1982	29,3	32,0	34,8	30,6	22,4
Марокко, 1973	27,7	30,5	30,8	29,9	26,4
Сенегал, 1977	27,6	28,8	30,0	30,2	30,3
Шри-Ланка, 1960	22,6	17,7	23,3	23,0	23,1
Тунис, 1965	23,8	26,4	28,6	26,3	24,8
Турция, 1958		27,3	28,4	27,4	26,7
Венесуэла, 1962	34,1	34,2	35,8	32,4	28,6
Испания, 1902	4,3	5,7	8,3	9,1	8,8
Швеция, 1877	12,0	11,8	12,6	10,6	11,2

Источники: Для периода после 1950 г. - [United Nations 2008]; для периода до 1950 г. - [Mitchell 1998a, 1998b, 1998c].

Существуют два обстоятельства, объясняющие эти различия: 1) в обществах с более поздними переходами допереходные темпы роста были неизменно более высокими; 2) разрыв между снижением смертности и снижением рождаемости при более поздних переходах был гораздо большим (25-35 лет в отличие от менее чем десяти лет в

большинстве исторических случаев)⁴. Во многих развивающихся странах рождаемость на самом деле увеличивалась на протяжении нескольких лет после того, как детская смертность начала снижаться. Причины этого несоответствия не полностью поняты, хотя три из них стоит упомянуть здесь. Во-первых, в обществах с более поздними переходами брак и воспроизводство, по всей видимости, менее тесно связаны с имеющимися экономическими ресурсами, чем в исторической Европе. Во-вторых, тот факт, что в странах с более поздними переходами снижение показателей рождаемости и смертности было тесно связано с технологическими достижениями, заимствованными у других обществ, возможно, задержал их принятие местным населением. Это особенно заметно в случае с искусственным регулированием рождаемости, когда меры такого регулирования, предлагавшиеся международными организациями, часто встречали сопротивление [Reher 2004]. В-третьих, совпадение во многих странах периода снижения смертности с периодом всплеска рождаемости (бэби-бум) также нельзя сбрасывать со счетов как возможное объяснение устойчиво высокой, даже растущей рождаемости в этих странах. В конечном счете высокие темпы роста свели на нет какое-либо позитивное влияние демографического перехода на социальные и экономические изменения. Благотворное влияние перехода стало проявляться не раньше, чем темпы роста начали снижаться.

Во время исторических переходов, помимо брака и контроля рождаемости, основным *механизмом регулирования населения* была миграция. Доступные миграционные варианты для потенциально избыточных населений были важной частью истории успеха демографического перехода в Европе. Миграция поощрялась как посылающей, так и принимающей странами. Несмотря на то, что миграционные варианты использовались и при более поздних переходах, этот механизм был далеко не столь эффективным. Потенциальный спрос на эмиграцию оказался намного большим, чем в исторической Европе, главным образом из-за чрезвычайно быстрого роста населения в посылающих странах. Осложняющим обстоятельством стало значительное ухудшение международной среды для миграции вследствие того, что принимающие страны стали проводить все более антииммиграционную политику.

Эти различия влияют на эффективность демографического перехода. Темпы перехода в Европе были неспешными по сравнению с его головокружительными темпами в большинстве стран развивающегося мира. Безусловно, и в Европе это был период социальных и политических конфликтов, частично вызванных неспособностью общества должным образом обустроить растущее число людей, особенно в городах, и это представляло серьезный вызов для правительств. Тем не менее в свете опыта развивающихся стран европейский демографический переход и в самом деле выглядит неторопливым, поскольку темпы роста населения были умеренными и международная миграция была не только эффективным предохранительным клапаном, но и основным источником инвестиций и создания человеческого капитала. Переход обусловил продолжительный период в высшей степени полезного вклада населения в преумножение богатства и модернизацию общества.

⁴ Говоря об исторических переходах, я имею в виду тот их период, когда темпы снижения рождаемости и смертности ускорились, а не более ранние периоды, для которых было характерно очень медленное снижение.

Служит ли демографический переход, идущий в большей части остального мира, также фактором, способствующим социальным переменам и модернизации? Конечно, да, даже если во многих странах все это происходит на фоне переполнения городов и постоянной неспособности экономики существенно повысить уровень жизни населения⁵. Недавнее снижение темпов роста населения, возможно, впервые на протяжении последнего полувека, позволит значительно повысить уровень жизни в развивающихся странах. Стремительные темпы роста населения в странах более позднего перехода отложили положительные эффекты демографического перехода, но не отменили их. В конечном счете все страны, переживающие переход, получают демографический дивиденд как следствие их возрастной структуры и способности демографических изменений стимулировать другие виды социальных перемен.

Но как долго могут сохраняться положительные последствия демографического перехода? В Европе и большей части остального развитого мира быстрое старение населения изменило позитивную тенденцию к формированию благоприятных возрастных структур, которые были характерны для населения этих стран на протяжении века. Рост населения больше не способствует социальным и экономическим переменам, но стал главным препятствием с точки зрения многих аспектов социального и экономического благополучия. Эти изменения также неотделимы от демографического перехода, так как ожидания людей входят в противоречие с высокими темпами воспроизводства населения и рождаемость снизилась до невообразимо низкого уровня [Reher 2007].

Нечто подобное может происходить и с недавними переходами. В целом ряде стран есть много признаков положительных изменений. Темпы роста населения резко сократились, и имеются основания предполагать, что эта тенденция сохранится в будущем. Почти повсеместно значительно снизилась также демографическая нагрузка детьми. В девяти из одиннадцати развивающихся стран, упомянутых в этой статье, за последние 30-40 лет она сократилась: в пяти из них (Китай, Коста-Рика, Иран, Марокко и Тунис) - более чем на 50%; еще в трех (Шри-Ланка, Турция и Венесуэла) - от 40 до 50%; в Индии - более чем на 30%. Не менее важно, что почти везде здоровье взрослого населения продолжает улучшаться, растут уровень образования и доля работающих женщин. В этих странах, если исключить периодические, часто тяжелые рецессии, экономический рост с большим отрывом опережает рост численности населения. Этот рост, наблюдаемый в Китае, ведет к полной перестройке китайского общества и всей мировой экономики. В других странах рост более скромный, но и здесь положение разительно отличается от наблюдавшегося всего 10-20 лет назад. Признаки изменений подобны тем, что наблюдались при более ранних переходах. Исключением из этого правила остается Африка к югу от Сахары, где снижение темпов роста населения очень ограничено и улучшение возрастной структуры до сих пор не отмечается.

Однако негативные процессы тоже дают о себе знать. Старение населения в развивающихся странах будет идти намного быстрее, чем отмечалось когда-либо в Европе,

⁵ Степень перенаселенности в городах развивающихся стран превышает достигнутую в ходе исторического перехода в Европе, хотя и тогда города имели немалые, хорошо изученные сегодня проблемы [Hohenberg, Lees 1995].

что объясняется темпами снижения рождаемости и смертности, намного более высокими, чем во время любого из исторических переходов. Почти в каждой стране из нашей выборки число рождений неуклонно сокращалось на протяжении последних двух-трех десятилетий. За последние 15 - 20 лет общее число рождений в Китае снизилось на 31%, в Коста-Рике на 8%, в Иране на 33%, в Марокко на 19%, в Шри-Ланке на 14%, в Тунисе на 31%, в Турции на 14%. Только в Индии и Венесуэле это снижение было незначительным (около 2%)⁶. Если эта тенденция сохранится, а есть все основания ожидать именно этого, то результатом станет быстрое старение населения. Через несколько десятилетий эти страны столкнутся с сокращением населения в трудоспособном и репродуктивном возрастах, что скажется как на рынке труда, так и на будущем числе рождений.

Таблица 3. Оценка окна возможностей для стран, переживающих демографический переход

Страна	Начало снижения рождаемости (год)	Год, начиная с которого естественный прирост <2,0%	Год, начиная с которого естественный прирост <1,5%	Год, начиная с которого число рождений начало снижаться	30 лет после того, как число рождений стало снижаться
	A	B	C	D	E
Китай	1968	1975	1979	1987	2017
Коста-Рика	1962	1994	2005	1989	2019
Индия	1978	1995	2005	1992	2022
Иран	1982	1995	1998	1990	2020
Марокко	1973	1993	2002	1983	2013
Шри-Ланка	1960	1980	1990	1981	2011
Тунис	1965	1991	1996	1986	2016
Турция	1958	1985	2001	1985	2015
Венесуэла	1962	1986	2009	1991	2021
Испания	1902	1902	1902	1976	2006
Швеция	1877	1877	1877	1966	1996

Страна	Оценочная длительность, лет			
	D-A	E-A	E-B	E-C
Китай	19	49	42	38
Коста-Рика	27	57	25	14
Индия	14	44	27	17
Иран	8	38	25	22
Марокко	10	40	20	11
Шри-Ланка	21	51	31	21
Тунис	21	51	25	20
Турция	27	57	30	14
Венесуэла	27	59	35	12
Испания	74	104	104	104
Швеция	89	119	119	119

Как долго будет открыто окно возможностей, созданное демографическим переходом? Попытаемся дать ответ на этот вопрос, по крайней мере, в общих чертах. Таблица 3 содержит три ключевых даты и два условия для выборки стран, используемых в

⁶ В Эфиопии и Сенегале число рождений продолжает расти и вероятно этот рост сохранится в течение многих лет в будущем.

этой статье.⁷ Даты соответствуют началу снижения рождаемости (А), началу сокращения совокупного числа рождений (D), и 30-летию этого события (Е). Вторая дата отражает переломный момент, когда весь процесс старения населения, идущий с самого начала, стремительно ускоряется. Последняя дата соответствует моменту, когда сокращение числа рождений приведет к уменьшению когорт населения в трудоспособном и репродуктивном возрастах. На этом последнем этапе многие позитивные социальные и экономические последствия демографического перехода, вероятно, исчезают, а быстрое старение и сопутствующие ему требования становятся главными вызовами, с которыми сталкиваются эти общества. В идеале окно возможностей для экономических и социальных перемен должно сохраняться на протяжении периода, охватывающего первую и вторую (D-A) или первую и третью (E-A) даты. Я ввел важный нюанс в эту очень простую модель, сделав окно возможностей зависимым от наличия умеренных темпов роста населения. Идея заключается в том, что чрезмерно высокие темпы роста населения подавляют большинство или все положительные эффекты, запущенные репродуктивными изменениями. Уровни роста, считающиеся приемлемыми для позитивных социальных изменений, были установлены на отметках в 1,5 и 2% в год. Более высокая скорость слишком оптимистична, потому что трудно представить себе положительный эффект при таких высоких темпах роста населения. Более низкая скорость лучше соответствует тому, что можно назвать приемлемым ростом, хотя есть подозрение, что и она может быть слишком высокой.

Используя эти критерии, была оценена продолжительность сохранения окна возможностей (нижняя часть таблицы 3). Результаты поразительны и вряд ли могут привести к оптимистичным выводам. Для Испании и Швеции (два примера исторического перехода) это окно сохранялось более века и в настоящее время закрыто. Для других стран в нашей выборке, несмотря на то, что они все вошли в это гипотетическое окно возможностей, маловероятно, что оно будет открыто очень долго. В зависимости от используемого критерия этот благоприятный период демографически обусловленных социальных и экономических перемен должен длиться от 10 до 30 лет, гораздо меньше, чем это было в европейских странах. Только в Китае окно возможностей сохранится чуть дольше (возможно, 40 лет) во многом благодаря резкому снижению рождаемости, которое произошло в 1970-е годы, по большей части, до введения правительством политики одного ребенка в 1979 г. Но даже в Китае окно возможностей обещает сохраниться недолго, так как на горизонте вырисовываются серьезные реалии быстрого демографического старения при существенном сокращении доли трудоспособного населения, что ожидается уже в ближайшие 5-10 лет

В конечном счете демографический переход во многих развивающихся странах был сильно сжат во времени, в то время как в странах, где переход произошел раньше, он был гораздо более постепенным. В первом случае темпы снижения демографической нагрузки выше, но окно возможностей закрывается намного раньше; при историческом же переходе улучшения происходили медленнее, но окно возможностей оставалось открытым дольше. Я утверждаю, что, с точки зрения долгосрочных социальных, экономических и

⁷ Эфиопия и Сенегал не были включены в таблицу 3 из-за невозможности оценить многие показатели.

институциональных перемен, постепенный темп изменений был идеальным, поскольку он предоставил странам время, чтобы воспользоваться этим преимуществом в стабильной и прочной обстановке. Пока неясно, будет ли у стран, переживающих недавние переходы, достаточно времени, чтобы в полной мере использовать выгоды от этих важных демографических изменений.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

За возможным и лишь частичным исключением США, где относительно высокая рождаемость сочетается со значительной иммиграцией, страны исторического перехода находятся на пороге длительного периода, на протяжении которого старение населения будет иметь негативные последствия для экономического роста и социальных систем. Цикл благоприятного влияния демографического перехода, похоже, исчерпал себя, и обнаружилась его обратная сторона, что сопровождается растущей обеспокоенностью общественного мнения относительно долгосрочной социальной стабильности во многих развитых странах. Тем не менее демографический переход сделал возможным существование общества, разительно отличающегося от прошлого, с высоким уровнем жизни, образованным и информированным населением, сложившимися консолидированной пенсионной и другими системами перераспределения доходов, со стабильным институциональным контекстом. Многие из этих достижений пройдут проверку на прочность даже в трудные времена, которые, несомненно, наступят в будущем. Иными словами, в этих обществах преобразование было завершено.

Большая часть стран с более поздним демографическим переходом только сейчас видят свои собственные окна возможностей. После того, как многие из потенциально возможных положительных эффектов демографического перехода были упущены из-за чрезвычайно высоких темпов роста населения на протяжении нескольких десятилетий, они теперь будут пожинать некоторые преимущества роста эффективности воспроизводства населения. Будет ли у этих стран достаточно времени, чтобы полностью преобразовать свои общества, как это было сделано в Европе и в других местах? Ответ на этот вопрос полон неопределенности. Значительные различия характеризуют эту группу стран: некоторые из них (в частности, некоторые страны Восточной Азии) полностью модернизировались в последние десятилетия, в то время как другие продолжают вязнуть в отсталости и нищете. Несомненно, у этих стран будут гораздо меньше времени, чтобы обновить свои социальные структуры, чем было у стран раннего демографического перехода, хотя верно и то, что темпы экономических и социальных преобразований, по крайней мере в некоторых из них, гораздо выше, чем были в исторической Европе. Трудно удержаться от опасения, что, когда окно возможностей закроется, уровни социального, экономического и институционального развития во многих из этих стран могут быть недостаточными. Это, конечно, весьма умозрительные рассуждения, и пока еще слишком рано прогнозировать результаты нынешних тенденций с какой-либо степенью уверенности. Но даже и с этой оговоркой кажется очевидным, что демографически благоприятный период будет коротким, что обязывает эти общества мобилизовать свои силы и по возможности быстро завершить процесс своего развития.

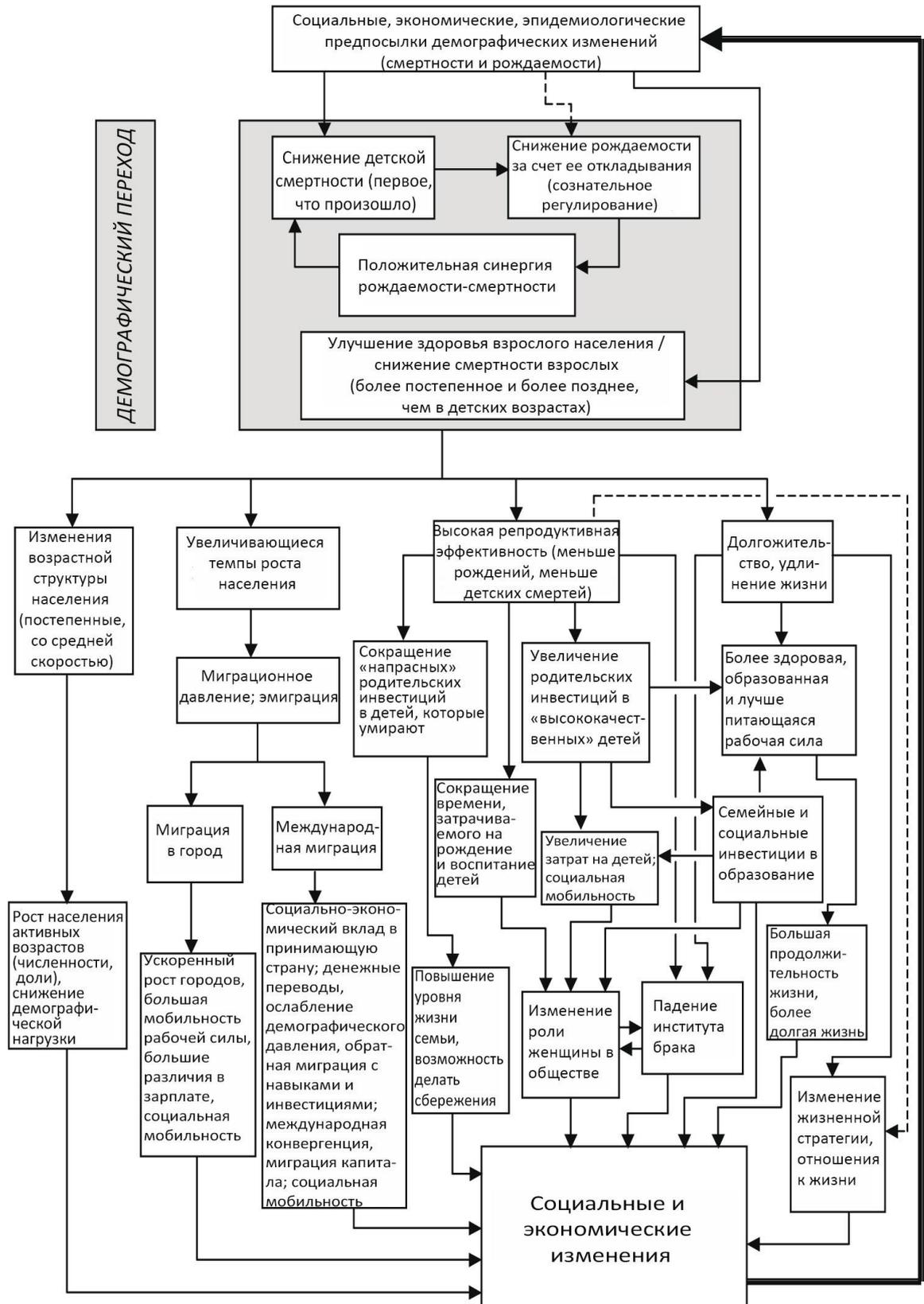
Невозможно предсказать, как будет проходить демографический переход в странах Африки южнее Сахары, где он сейчас находится на начальных стадиях. Постепенное снижение смертности и рождаемости, наблюдавшееся до сих пор, позволяет предположить, что демографический переход в этом регионе, когда он состоится, будет иметь иные характеристики, нежели в других развивающихся странах, и вполне может продолжаться намного дольше.

В странах более раннего демографического перехода вызовы, связанные с экономически невыгодной возрастной структурой населения и нехваткой рабочей силы, могут компенсироваться, по крайней мере частично, вторым демографическим дивидендом, упомянутым ранее [Lee, Mason 2010], а также государственной политикой, направленной на увеличение экономической активности населения, более поздним выходом на пенсию, а также сокращением пенсий и системы социального обеспечения. Растущее присутствие иммигрантов в этих странах также обещает сохраняться и даже нарастать в будущем. Эти иммигранты приезжают из стран более позднего перехода, где в настоящее время рынки труда заполнены людьми, ищущими работу. В этом смысле миграция в Европу и США будет полезна как для посылающих, так и для принимающих стран. Миграция - социально и политически спорный, но экономически эффективный ответ на избыточное или недостаточное предложение труда. Такая ситуация равновесия, в которой избыток людских ресурсов в одних регионах компенсирует их нехватку в других посредством миграции, также обречена на недолгую жизнь. Если нынешние тенденции сохранятся, большинство стран-экспортеров рабочей силы довольно скоро, как только когорты с более низкой численностью населения начнут достигать трудоспособного возраста, сами начнут страдать от ее нехватки. Печальная ирония истории состоит в том, что, хотя в этих странах демографический переход (снижение рождаемости) начался 60-80 или даже более лет спустя после его начала в странах исторического перехода, период нехватки рабочей силы начнется всего на 20-30 лет позже. Разрыв между ранними и более поздними переходами действительно сужается, но только за счет сокращения времени, отведенного новичкам для экономического роста и социальной консолидации.

Последствия этих наблюдений трудно прогнозировать, но вполне вероятно, что наиболее образованных членов поднимающихся обществ будет по-прежнему привлекать более высокая зарплата в развитых странах и они последуют по стопам ранних эмигрантов. В какой степени эти перемещения людей способны решить проблемы посылающих или принимающих стран, покажет будущее. Существовавшее исторически положительное, по своей сути, влияние миграции и на посылающие, и на принимающие страны, скорее всего, сохранится и в будущем. Однако значительные перекосы возрастных структур в посылающих и принимающих странах создают проблемы и вызовы невообразимых ранее масштабов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Демографический переход, формирование человеческого капитала, социальные и экономические изменения. Общая схема

ЛИТЕРАТУРА

- Anderton D. L., L. L. Bean (1985). Birth spacing and fertility limitation: A behavioral analysis of a nineteenth-century frontier population // *Demography*. 22(2): 169–183.
- Biraben J. N. (1991). Pasteur, pasteurization, and medicine // R. Schofield, D. S. Reher, A. Bideau (eds.). *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 220–232.
- Bloom D. E., D. Canning (2001). Cumulative causality, economic growth, and the demographic transition // N. Birdsall, A. C. Kelley, S. W. Sinding, eds. *Population Matters: Demographic Change, Economic Growth, and Poverty in the Developing World*. Oxford: Oxford University Press: 165–200.
- Bloom D. E., D. Canning, J. Sevilla (2003). The demographic dividend: A new perspective on the economic consequences of population change / *Population Matters Monograph MR-1274*. RAND, Santa Monica.
- Chesnais J.-C. (1986). La transition démographique. Etapes, formes, implications économiques. // Institut national d'études démographiques. Cahier № 113. Paris: Presses Universitaires de France.
- Coale A. J. (1973). The demographic transition // *International Population Conference*. Vol. 1. Liège: 53–72.
- Coale A. J. (1986). The decline of fertility in Europe since the eighteenth century as a chapter in human demographic history // A. J. Coale, S. C. Watkins, eds. *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton: Princeton University Press: 1–30.
- Coleman D. (2006). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and Development Review*. 32(3): 401–446.
- Dalla Zuanna G. (2007). Social mobility and fertility // *Demographic Research*. 17, article 15: 441–464.
- Davis K. (1945). The world demographic transition // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 237(January): 1–11.
- Demeny P. (1972). Early fertility decline in Austria-Hungary: A lesson in demographic transition // D. V. Glass, R. Revelle, eds. *Population and Social Change*. London and New York: Edward Arnold: 153–172.
- Fogel R. W. (2004). *The Escape from Hunger and Premature Death, 1700–2100: Europe, America and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fogel R. W., D. L. Costa (1997). A theory of technophysio evolution, with some implications for forecasting population, health care costs, and pension costs // *Demography*. 34(1): 49–66.
- Hatton T. J., J. G. Williamson (1998). *The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact*. New York and Oxford: Oxford University Press.
- Hatton T. J., J. G. Williamson (2006). *Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Hohenberg P. M., L. H. Lees (1995). *The Making of Urban Europe, 1000–1994*. Revised edition. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kelley A. C., R. M. Schmidt (2001). Economic and demographic change: A synthesis of models, findings, and perspectives // N. Birdsall, A. C. Kelley, S. W. Sinding, eds. *Population*

- Matters: Demographic Change, Economic Growth, and Poverty in the Developing World. Oxford: Oxford University Press: 67–105.
- Kelley A. C., R. M. Schmidt (2007). Evolution of recent economic-demographic modeling: A synthesis // A. Mason, M. Yamaguchi, eds. *Population Change, Labor Markets and Sustainable Growth: Towards a New Economic Paradigm*. Amsterdam: Elsevier: 5–38.
- Keyfitz N. (1987). Form and substance in family demography // J. Bongaarts, T. K. Burch, K. W. Wachter, eds. *Family Demography: Methods and Their Application*. Oxford: Clarendon Press: 4–16.
- Kunitz S. J. (1991). The personal physician and the decline of mortality // R. S. Schofield, D. Reher, A. Bideau, eds. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 248–262.
- Lee R. (2003). The demographic transition: Three centuries of fundamental change // *Journal of Economic Perspectives*. 17(4): 167–190.
- Lee R., A. Mason (2010). Fertility, human capital, and economic growth over the demographic transition // *European Journal of Population*. 26(2): 159–182.
- Lee R., S.-H. Lee, A. Mason (2008). Charting the economic life cycle // *Population and Development Review*. 34(Supp.): 208–237.
- Lesthaeghe R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 36(2): 211–251.
- Lindh T., B. Malmberg (1999). Age structure effects and growth in the OECD, 1950–1990 // *Journal of Population Economics*. 12: 431–449.
- Livi Bacci M. (2000). Mortality crises in historical perspective: The European experience // G. A. Cornia, R. Panizza, eds. *The Mortality Crisis in Transitional Economies*. Oxford: Oxford University Press: 38–58.
- Lunn P. G. (1991). Nutrition, immunity and infection // R. S. Schofield, D. Reher, A. Bideau, eds. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 131–145.
- Mason A., R. Lee (2006). Reform and support systems for the elderly in developing countries: Capturing the second demographic dividend // *GENUS*. 62(2): 11–35.
- McKeown T. (1976). *The Modern Rise of Population*. London: Edward Arnold.
- Mitchell B. R. (1998a). *International Historical Statistics: Africa, Asia and Oceania, 1750–1993*. London: Macmillan.
- Mitchell B. R. (1998b). *International Historical Statistics: Europe, 1750–1993*. London: Macmillan.
- Mitchell B. R. (1998c). *International Historical Statistics: The Americas 1750–1993*. London: Macmillan.
- Notestein F. (1945). Population—the long view // T. W. Schultz, ed. *Food for the World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Reher D. S. (1995). Wasted investments: Some economic implications of childhood mortality patterns // *Population Studies* 49(3): 519–536.
- Reher D. S. (1999). Back to the basics: Mortality and fertility interactions during the demographic transition // *Continuity and Change*. 14(1): 9–31.
- Reher D. S. (2004). The demographic transition revisited as a global process // *Population, Space and Place*. 10: 19–41.

- Reher D. S. (2007). Towards long-term population decline: a discussion of relevant issues // *European Journal of Population*. 23: 189–207.
- Reher D. S., A. Sanz-Gimeno (2007). Rethinking historical reproductive change: Insights from longitudinal data for a Spanish town // *Population and Development Review*. 33(4): 703–727.
- Riley J. C. (2005a). *Poverty and Life Expectancy: The Jamaica Paradox*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Riley J. C. (2005b). Estimates of regional and global life expectancy, 1800–2001 // *Population and Development Review*. 31(3): 537–543.
- Riley J. C. (2005c). The timing and pace of health transitions around the world // *Population and Development Review*. 31(4): 741–764.
- Samuelson P. (1975). The optimum growth rate for population // *International Economic Review*. 16(3): 531–538.
- Schofield R., D. S. Reher (1991). The decline of mortality in Europe // R. S. Schofield, D. Reher, A. Bideau, eds. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 1–17.
- Szolysek M. (2007). Science without laws? Model building, micro histories and the fate of the theory of fertility decline // *Historical Social Research*. 32(2): 10–41.
- Thornton A. (2001). The developmental paradigm, reading history sideways, and family change // *Demography*. 38(4): 449–465.
- Thornton A. (2005). *Reading History Sideways: The Fallacy and Enduring Impact of the Developmental Paradigm on Family Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- United Nations (2008). *World Population Prospects Database. The 2008 Revision*. URL:<http://esa.un.org/unpp/>.
- Vallin J. (1991). Mortality in Europe from 1720 to 1914: Long-term trends and changes in patterns by age and sex // R. Schofield, D. S. Reher, A. Bideau, eds. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 38–67.
- Van Bavel J. (2004). Deliberate birth spacing before the fertility transition in Europe: Evidence from nineteenth-century Belgium // *Population Studies*. 58(1): 95–107.
- Van Bavel J. (2006). The effect of fertility limitation on intergenerational social mobility: The quality-quantity trade-off during the demographic transition // *Journal of Biosocial Science*. 38(4): 553–569.
- Van Bavel J., J. Kok (2004). Birth spacing in the Netherlands: The effects of family composition, occupation and religion on birth intervals, 1820–1885 // *European Journal of Population*. 20(2): 119–140.
- Van de Kaa D. J. (1987). Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 42, 1. Washington, DC: Population Reference Bureau.
- Wrigley E. A. (1985a). The fall of marital fertility in nineteenth-century France: Exemplar or exception? (Part I) // *European Journal of Population*. 1: 31–60.
- Wrigley E. A. (1985b). The fall of marital fertility in nineteenth-century France: Exemplar or exception? (Part II) // *European Journal of Population*. 1: 141–177.

ECONOMIC AND SOCIAL IMPLICATIONS OF THE DEMOGRAPHIC TRANSITION*

DAVID REHER

DAVID S. REHER. COMPLUTENSE UNIVERSITY OF MADRID, SPAIN.
E-MAIL: dreher@geps.es.

The paper deals with the way demographic transitions everywhere have proven themselves to be an important source of social and economic change. The paper has two parts. In the first one, the different ways in which change takes place over the medium and long run are assessed. Age structure, migration, reproductive efficiency and familial strategies, and adult health are all ways in which the transformational effects of demographic change are felt. In the second part of the paper the way the rate of change of vital rates conditions these beneficial effects in different areas of the world is discussed.

Key words: demographic transitions, historic (early) demographic transition, recent demographic transitions, social and economic changes, demographic dividend.

* REPRINTED WITH THE PERMISSION OF THE POPULATION COUNCIL FROM: DAVID S. REHER, ECONOMIC AND SOCIAL IMPLICATIONS OF THE DEMOGRAPHIC TRANSITION // RONALD D. LEE AND DAVID S. REHER, EDS. DEMOGRAPHIC TRANSITION AND ITS CONSEQUENCES. A SUPPLEMENT TO VOL. 37 (2011) OF POPULATION AND DEVELOPMENT REVIEW: 11-33.
TRANSLATED BY IRINA DRANNIKOVA AND ILYA KASHNITSKY.

REFERENCES

- Anderton D. L., L. L. Bean (1985). Birth spacing and fertility limitation: A behavioral analysis of a nineteenth-century frontier population // *Demography*. 22(2): 169–183.
- Biraben J. N. (1991). Pasteur, pasteurization, and medicine // R. Schofield, D. S. Reher, A. Bideau (eds.). *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 220–232.
- Bloom D. E., D. Canning (2001). Cumulative causality, economic growth, and the demographic transition // N. Birdsall, A. C. Kelley, S. W. Sinding, eds. *Population Matters: Demographic Change, Economic Growth, and Poverty in the Developing World*. Oxford: Oxford University Press: 165–200.
- Bloom D. E., D. Canning, J. Sevilla (2003). The demographic dividend: A new perspective on the economic consequences of population change / *Population Matters Monograph MR-1274*. RAND, Santa Monica.
- Chesnais J.-C. (1986). *La transition démographique. Etapes, formes, implications économiques*. // Institut national d'études démographiques. Cahier № 113. Paris: Presses Universitaires de France.
- Coale A. J. (1973). The demographic transition // *International Population Conference*. Vol. 1. Liège: 53–72.
- Coale A. J. (1986). The decline of fertility in Europe since the eighteenth century as a chapter in human demographic history // A. J. Coale, S. C. Watkins, eds. *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton: Princeton University Press: 1–30.

- Coleman D. (2006). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and Development Review*. 32(3): 401–446.
- Dalla Zuanna G. (2007). Social mobility and fertility // *Demographic Research*. 17, article 15: 441–464.
- Davis K. (1945). The world demographic transition // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 237(January): 1–11.
- Demeny P. (1972). Early fertility decline in Austria-Hungary: A lesson in demographic transition // D. V. Glass, R. Revelle, eds. *Population and Social Change*. London and New York: Edward Arnold: 153–172.
- Fogel R. W. (2004). *The Escape from Hunger and Premature Death, 1700–2100: Europe, America and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fogel R. W., D. L. Costa (1997). A theory of technophysio evolution, with some implications for forecasting population, health care costs, and pension costs // *Demography*. 34(1): 49–66.
- Hatton T. J., J. G. Williamson (1998). *The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact*. New York and Oxford: Oxford University Press.
- Hatton T. J., J. G. Williamson (2006). *Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Hohenberg P. M., L. H. Lees (1995). *The Making of Urban Europe, 1000–1994*. Revised edition. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kelley A. C., R. M. Schmidt (2001). Economic and demographic change: A synthesis of models, findings, and perspectives // N. Birdsall, A. C. Kelley, S. W. Sinding, eds. *Population Matters: Demographic Change, Economic Growth, and Poverty in the Developing World*. Oxford: Oxford University Press: 67–105.
- Kelley A. C., R. M. Schmidt (2007). Evolution of recent economic-demographic modeling: A synthesis // A. Mason, M. Yamaguchi, eds. *Population Change, Labor Markets and Sustainable Growth: Towards a New Economic Paradigm*. Amsterdam: Elsevier: 5–38.
- Keyfitz N. (1987). Form and substance in family demography // J. Bongaarts, T. K. Burch, K. W. Wachter, eds. *Family Demography: Methods and Their Application*. Oxford: Clarendon Press: 4–16.
- Kunitz S. J. (1991). The personal physician and the decline of mortality // R. S. Schofield, D. Reher, A. Bideau, eds. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 248–262.
- Lee R. (2003). The demographic transition: Three centuries of fundamental change // *Journal of Economic Perspectives*. 17(4): 167–190.
- Lee R., A. Mason (2010). Fertility, human capital, and economic growth over the demographic transition // *European Journal of Population*. 26(2): 159–182.
- Lee R., S.-H. Lee, A. Mason (2008). Charting the economic life cycle // *Population and Development Review*. 34(Supp.): 208–237.
- Lesthaeghe R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 36(2): 211–251.
- Lindh T., B. Malmberg (1999). Age structure effects and growth in the OECD, 1950–1990 // *Journal of Population Economics*. 12: 431–449.

- Livi Bacci M. (2000). Mortality crises in historical perspective: The European experience // G. A. Cornia, R. Panizza, eds. *The Mortality Crisis in Transitional Economies*. Oxford: Oxford University Press: 38–58.
- Lunn P. G. (1991). Nutrition, immunity and infection // R. S. Schofield, D. Reher, A. Bideau, eds. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 131–145.
- Mason A., R. Lee (2006). Reform and support systems for the elderly in developing countries: Capturing the second demographic dividend // *GENUS*. 62(2): 11–35.
- McKeown T. (1976). *The Modern Rise of Population*. London: Edward Arnold.
- Mitchell B. R. (1998a). *International Historical Statistics: Africa, Asia and Oceania, 1750–1993*. London: Macmillan.
- Mitchell B. R. (1998b). *International Historical Statistics: Europe, 1750–1993*. London: Macmillan.
- Mitchell B. R. (1998c). *International Historical Statistics: The Americas 1750–1993*. London: Macmillan.
- Notestein F. (1945). Population—the long view // T. W. Schultz, ed. *Food for the World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Reher D. S. (1995). Wasted investments: Some economic implications of childhood mortality patterns // *Population Studies* 49(3): 519–536.
- Reher D. S. (1999). Back to the basics: Mortality and fertility interactions during the demographic transition // *Continuity and Change*. 14(1): 9–31.
- Reher D. S. (2004). The demographic transition revisited as a global process // *Population, Space and Place*. 10: 19–41.
- Reher D. S. (2007). Towards long-term population decline: a discussion of relevant issues // *European Journal of Population*. 23: 189–207.
- Reher D. S., A. Sanz-Gimeno (2007). Rethinking historical reproductive change: Insights from longitudinal data for a Spanish town // *Population and Development Review*. 33(4): 703–727.
- Riley J. C. (2005a). *Poverty and Life Expectancy: The Jamaica Paradox*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Riley J. C. (2005b). Estimates of regional and global life expectancy, 1800–2001 // *Population and Development Review*. 31(3): 537–543.
- Riley J. C. (2005c). The timing and pace of health transitions around the world // *Population and Development Review*. 31(4): 741–764.
- Samuelson P. (1975). The optimum growth rate for population // *International Economic Review*. 16(3): 531–538.
- Schofield R., D. S. Reher (1991). The decline of mortality in Europe // R. S. Schofield, D. Reher, A. Bideau, eds. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 1–17.
- Szolysek M. (2007). Science without laws? Model building, micro histories and the fate of the theory of fertility decline // *Historical Social Research*. 32(2): 10–41.
- Thornton A. (2001). The developmental paradigm, reading history sideways, and family change // *Demography*. 38(4): 449–465.
- Thornton A. (2005). *Reading History Sideways: The Fallacy and Enduring Impact of the Developmental Paradigm on Family Life*. Chicago: University of Chicago Press.

- United Nations (2008). World Population Prospects Database. The 2008 Revision.
URL:<http://esa.un.org/unpp/>.
- Vallin J. (1991). Mortality in Europe from 1720 to 1914: Long-term trends and changes in patterns by age and sex // R. Schofield, D. S. Reher, A. Bideau, eds. *The Decline of Mortality in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 38–67.
- Van Bavel J. (2004). Deliberate birth spacing before the fertility transition in Europe: Evidence from nineteenth-century Belgium // *Population Studies*. 58(1): 95–107.
- Van Bavel J. (2006). The effect of fertility limitation on intergenerational social mobility: The quality-quantity trade-off during the demographic transition // *Journal of Biosocial Science*. 38(4): 553–569.
- Van Bavel J., J. Kok (2004). Birth spacing in the Netherlands: The effects of family composition, occupation and religion on birth intervals, 1820–1885 // *European Journal of Population*. 20(2): 119–140.
- Van de Kaa D. J. (1987). Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 42, 1. Washington, DC: Population Reference Bureau.
- Wrigley E. A. (1985a). The fall of marital fertility in nineteenth-century France: Exemplar or exception? (Part I) // *European Journal of Population*. 1: 31–60.
- Wrigley E. A. (1985b). The fall of marital fertility in nineteenth-century France: Exemplar or exception? (Part II) // *European Journal of Population*. 1: 141–177.